

Слабому по душе и телу, подверженному опасностям человеку (каков каждый из нас) необходимо нуждаться в помощи и покровительстве; и чем могущественнее, мудрее, благосерднее покровитель, тем безопаснее и утешительнее для покровительствуемого. Но земные покровители, как бы ни казались совершенными, часто бывают непостоянны в благорасположении, недальновидны в выборе благодетелей и, несмотря на свое могущество, сами подвержены слабостям и недостаткам. Несравненно было бы лучше, если бы кто нашел себе покровителя на небе, помощника не по одному телу, но и по душе, предстателя не пред людьми токмо, но и пред Богом, благодетеля совершенного, который сам не имел бы ни в чем нужды. Если бы притом такой благодетель принял под кров свой не одного какого-либо человека и неизвестных токмо людей, а всех, нуждающихся в его помощи, – принял не на время, а навсегда, и если бы несомненно было, что он имеет великое дерзновение пред Богом, то радость о снискании такого покровителя была бы радостью всего рода человеческого, воспоминание о союзе с ним должно бы составить предмет торжества самого светлого.

Таково точно, братие, торжество настоящего дня, в который видимо простерся некогда, как повествует святая история, над верными Покров Препоблагословенная Девы Марии, невидимо доселе простертый над всеми нами. Если бы даже нам самим предоставлено было избрать себе покровителя на небе, то можно ли бы найти могущественнее, святее, любвеобильнее Матери Божией? Кто далее Ее от всех

несовершенств? Кто яснее видит наши нужды, усерднее к нашему благу? Кто ближе к престолу благодати, к сердцу сына Ее и Бога? Если Моисей, который при всем достоинстве своем был токмо верный слуга (Евр. 3; 5) в дому Божиим, мог ходатайством своим спасти от гибели целый народ Еврейский (Исх. 32; 11-14), то от какой опасности не может спасти нас, какого блага несильно доставить нам предстательство Матери Божией, Которая по тому самому и соделалась одушевленным жилищем Бога Слова, что паче всех обрела благодать у Господа? (Лк. 1; 30).

Но, братие, чем выше и святее лицо, нам покровительствующее, тем должно быть осмотрительнее покровительствуемым, дабы своим неблагодарием не отдалить от себя помощи, или не соделать ее бесполезною. Мы оскорбили бы нашу святейшую Покровительницу, если бы подумали, что Она покровительствует всем равно. Есть люди, коим Она не может оказать никакой помощи. С другой стороны, все мы по природе наклонны к тому, чтобы злоупотреблять благодеяниями, нам оказываемыми. И не бывает ли в самом деле злоупотребления в уповании на Покров Матери Божией? К сожалению, весьма много и весьма часто. Посему собственное наше благо требует вникнуть в эти недостатки и узнать со всею точностью, о чем, как и в каком духе должно обращаться с молитвами к Матери Божией?

Упование... не посрамит (Рим. 5; 5), по слову апостола; но какое упование? разумное; ибо упование есть часть нашего богопочтения, которое, по увещанию того же апостола, должно быть «разумным» (Рим. 12; 1). Но будет ли, братие, упование на Матерь Божию разумным, если бы кто обратился к Ней с таким прошением, с коим нельзя предстать и перед человеком добродетельным, например, с прошением о чем-либо несправедливом, или для целей нечистых? Такое прошение, скажете, было бы не прошением, а оскорблением честнейшей Херувимов; к Ней должно воссылать молитвы чистые. Так, братие, поистине. Подивитесь же развращению природы нашей, которая доходит до забвения самых первых начал здравой веры и здравого смысла, ибо слух Матери Божией поражается иногда и такими прошением, кои были бы тяжелы для чистого слуха человеческого. Не тяжело ли в самом деле слышать (а Она слышит!), как обиженный кем-либо, вместо того, чтоб просить себе, по заповеди Спасителя, любви к обидевшему, просит ему отмщения и гибели? Не тяжело ли слышать (а Матерь Божия слышит!), как похитивший, или присвоивший неправедно чужую собственность, вместо того чтобы просить себе благого расположения «возвратить четверицею» (Лк. 19; 8) неправедно стяжанное, просит успеха в сокрытии своей неправды от очей правосудия? Знаю, что для многих из нас подобные прошения могут казаться даже невозможными; и благодарение Промыслу, что они действительно редки, но тем не менее они бывают на самом деле; и учителю веры нельзя проходить молчанием подобных недостатков, как бы они ни осуждались сами своею грубостью. Для вразумления таковых просителей мы должны, хотя кратко, заметить, что на небе нет лицемерия, что там приемлется одна правда или искреннее покаяние, что воля Матери Божией и Сына Ее есть одна и та же – «святость наша» (1 Фес. 4; 3), что Матерь и не может просить того, чего не может даровать Сын без нарушения Своей правды, что потому просящие неправедного сами себе изрекают не только отказ, но и осуждение.

Заметим также, что под осуждение сие подходят и все те, кои у Матери Божией просят хотя позволительного, но с намерением нечистым. Так, например, если кто просит богатства, имея сильное желание начать вести жизнь роскошную и сладострастную; если кто молит о возвращении здоровья, чтобы, получив просимое,

немедленно возвратиться к худым навыкам и делам. Все сии и подобные просители, – да ведают однажды и навсегда, что они не примут просимого, ибо зле просят (Иак. 4; 3). Всякое решение о неправедном, или для цели незаконной, есть оскорбление Матери Божией и обращается на главу просящего.

Обратимся к другим прошениям, кои кажутся невинными и чистыми, а на самом деле подлежат осуждению и также недостойны Небесной Покровительницы нашей.

Первый недостаток наш в сем отношении состоит в желании помощи необыкновенной и чудесной, которая, сойдя на нас, служила бы нам как бы неким отличием от прочих людей. Следствием сего бывает ослабление в собственной деятельности и преступная небрежность. Надеясь на сверхъестественные благодеяния, перестают пользоваться естественными средствами. Так, например, больной отвергает искусство врача, предпринимая какое-либо трудное дело – совещание с людьми мудрейшими и опытнейшими. Разумно ли, братие, таковое поведение и может ли быть приятным Матери Божией? С первого взгляда подобное упование на Ее покров и пренебрежение всеми прочими средствами может показаться возвышающим нашу веру и ее достоинство; а на самом деле таковая праздная надежда, такое бездейственное упование, такая неразумная вера есть преступное искушение Ее могущества, недостойное христианина посягательство на силу Божию. Ибо Матерь Божия получила могущество не для того, чтобы расточать оное без нужды – по нашим прихотям, но для того, чтобы обращать оное непрестанно против законов природы, начертанных премудростью Божиею, от частого оставления коих в действии неминуемо возмутится бы порядок мира, нами видимого. Как первая Таинница Промысла Божия о людях, Она действует так же, как и Сам Промысл, употребляя к нашему благу безконечное множество средств естественных, и обращаясь к непосредственному Своему могуществу только в тех случаях, когда сие необходимо. Посему один тот имеет право на Ее всемогущее ходатайство пред Богом, кто прежде прошения к Ней употребил, и после прошения не престаёт употреблять для достижения своей цели все, что для него возможно, разумея под возможным одно позволительное и законное.

Но в таком случае, скажут, для чего и молиться, и по чему узнать помощь Богоматери? Для того, что все наши средства единственно таковы, что оставляют после себя еще очень много места для помощи высшей, ибо каждое из естественных средств, как доказывает опыт, может остаться без действия. Узнаешь же высшую помощь уже по тому, что ты молился о ней, если молился от сердца. То же сердце скажет тебе, чей и откуда дар, тобою полученный. Впрочем, много ли тут нужно розысков, и на что они? Не всякое ли даяние благо сходит от Отца светов? Не Он ли мертвит и живит, низводит во ад и паки возводит? Не о Нем ли ...живем и движемся и есмы? (Деян. 17; 28); не «из Него ли и в Нем всяческая»? (Рим. 11; 36). К чему же сомнения? Не разыскивать должно, получив благодеяния, а молиться и благодарить.

Второй и самый общий недостаток наших прошений к Матери Божией состоит в том, что они все почти и всегда ограничиваются одними благами чувственными. В самом деле, братие, если бы каким-либо чудом открылась пред нами совокупность прошений, воссылаемых к Ней в одном сем храме, что, думаете, увидели бы мы? Увидели бы, конечно, немалое число таких прошений, о коих мы говорили вначале, и от коих невольно отвратили бы очи. Вместе с сим увидели бы бесчисленный ряд прошений о благах временных, об избавлении от различных болезней, от врагов, от клевет и гонений, об успехе в торговле, в путешествиях, в бракосочетании, и тому подобное. Но

много ли, думаете, явилось бы пред нами прошений о благах духовных, об исцелении от различных болезней души и совести, о побеждении худых привычек и страстей, о стяжании той или другой добродетели, о совершении трудных подвигов любви к Богу и ближнему? Ах, и без особенного откровения тайн сердечных можно безошибочно сказать, что прошений о духовных благах к Матери Божией весьма немного. Отчего же так, возлюбленные? Разве у нас одно тело, а души и совести нет? Разве душа и совесть наши не имеют своего рода болезней и нужд? Разве Мать Божия может подавать одно временное и тленное? Или мы любим одно тело наше, а душу ставим ни во что? или не верим в другую жизнь, в суд и воздаяние по смерти? Но сего никто не скажет из самых развращенных людей. Не скажем словами, а делами говорим непрестанно едва не все мы. У всех только и заботы, что о земном и тленном, о пище, одежде, забавах, а о том, в каком состоянии наша душа, цела ли совесть, верны ли мы Христу, с Коим сочетались при крещении, не уклонились ли от пути правого, о том, как нам оставить эту суетную жизнь и явиться пред нашим Создателем, измыты ли наши грехи покаянием, есть ли в нас хотя малый росток для вечной жизни в Боге, о сем чрезвычайно важном деле, мы, если и помышляем, то весьма редко, поверхностно, как о деле чужом и неважном. И в таком несчастном расположении духа мы являемся в самые храмы Божий! С таким небрежением о своем спасении не стыдимся предстать пред нашим Искупителем и Его Пречистой Матерью! Может ли Она внимать таким неразумным просителям? Даровать блага, нами просимые, значило бы с Ее стороны дать нам случай еще более прилепиться к земному и чувственному, еще глубже погрузиться в удовольствия плотские, потерять последнюю память о душе, совести и будущей жизни. Но небесные покровители непохожи на земных, кои нередко по пристрастию более вредят покровительствуемым, изливая на них благодеяния без меры и рассуждения; с неба никак не подадут земных благ, коль скоро видят (а взор небожителей гораздо чище нашего), что сии блага обратятся во вред просителям. Посему нисколько не удивительно, если Пресвятая Дева, по истинной любви Ее к нам, не слышит многих прошений наших; если даже подает нам совершенно противное тому, о чем мы молимся к Ней. Мы, например, просим богатства, которое сделало бы нас сладострастными, и таким образом удалило бы навсегда от Бога, а Она может подать нам нищету, способную образумить нас и сделать истинными христианами; мы просили чести, с коею неминуемо впали бы в гордость богопротивную, а Она может послать на нас уничижение, которое удержит нас в пределах смирения, и спасет от многих зол; мы искали благосклонности какого-либо лица, думая найти в том свое счастье, а Она отвратит его от нас, провидя, что это же нужно для нашего благоденствия. Все это, говорю, может сделать Мать Божия вопреки нашим молитвам, и должна делать, любя нас истинно, и без сомнения делать. Тот из нас был бы совершенно безрассуден, кто пожелал бы, чтоб Мать Божия не поступала таким образом, а всегда удовлетворяла нашим просьбам. Это значило бы желать, чтобы Она содействовала нашей пагубе.

Отсюда само собою выходит новое, необходимое правило для наших молитв к Пресвятой Деве, которое, однако же, весьма часто забывается: я разумею нужду заключать все прошения к Ней преданием их и себя в Ее святую волю. Этого требует собственная наша польза, ибо, по краткозорительности нашего ума, по нечистоте нашего сердца, мы можем молить Господа и святых Его о том, что нам кажется полезным, а само в себе есть вред, или и само в себе полезно, но для нас пагубно. С неба же виднее все мы, и все наше прошедшее, настоящее и будущее; посему небожителям удобнее

располагать нашею участью. Наш же долг, памятуя сие, не досаждать им прошениями безусловными, не унывать, если не видим исполнения просимого, не печалиться, если над нами сбывается и противное тому. Это мнимое невнимание их к нашим молитвам может быть истинным плодом наших молитв. В таком случае лучше всего без роптания обратиться к своей совести, рассмотреть свою жизнь, вникнуть в свои способности, в свой нрав, свои отношения, вспомнить, что мы созданы не для земли, а для неба, что не ныне, а завтра позовут в отечество; тогда сам можешь увидеть, почему Мать Божия не исполнила какого-либо твоего прошения. А если бы и при всем том не увидел причины сего, то и тогда не должно унывать и роптать, памятуя, что мы здесь многого не понимаем в судьбе своей. Придет время, когда все откроется. Тогда будем благодарить святых Божиих, что не слушали многих наших молитв, поступали вопреки нашим желаниям.

Сократим для памяти все сказанное в немногих словах. О чем и как должно просить Мать Божию? Должно просить у Нее единственно того, что само в себе чисто и праведно. И позволительного надобно просить с намерением употребить его законным образом. Не должно искать чудес и, в надежде на них, пренебрегать естественными средствами и предаваться бездействию. Должно просить благ более духовных и вечных, нежели временных и телесных. И благ чувственных надобно просить не для удовлетворения плоти, а для усовершения себя через них в добродетели. Наконец, должно заключать все прошения преданием себя в волю Богоматери и не огорчаться мнимым неисполнением прошений, а почитать это побуждением для себя к покаянию.

Кто таким образом будет возлагать упование на Покров Пресвятыя Девы, того упование будет «разумным» (Рим. 12; 1), и тот не постыдится ни в сей век, ни в будущий.

Мати Божия! не только покрой, но и вразуми нас Покровом Своим: ибо мы сами о чесом... помолимся, якоже подобает, не вемы! (Рим. 8; 26). Аминь.